

И ВЫДУМКА

«Любят у нас хоронить писателей! С Горьким это особенно показательно... А ведь человек — в расцвете сил. Для писателя 45 лет — самый благодарный возраст. Горькому теперь только и творить. Я считаю последние вещи Горького очень талантливыми. Вот — человек с большой и открытой душой. Крупный талант!» Аналогичная оценка Горького содержится в интервью Куприна корреспонденту «Биржевых ведомостей» (1913, № 13593). Высокое уважение Куприна к Горькому высказывается им и самому Алексею Максимовичу в письмах. Эти письма мною приводятся в книге «Творчество А. И. Куприна», вышедшей недавно.

Вержбицкий цитирует слова Горького, написанные им одному из корреспондентов: «А какая превосходная вещь «Гранатовый браслет»! И я рад, я — с праздником!» А ведь на «расхождении» Куприна с Горьким основывается вся концепция Ф. Кулешова.

Правдивый образ Куприна, нарисованный Вержбицким, наносит удар по некоторым литературоведческим домыслам, согласно которым Куприн в это время якобы сошел с демократического пути. Даже такие замечательные произведения, как «Гранатовый браслет» и «Суламифь», до сих пор расцениваются некоторыми исследователями как дань реакции.

Опровергая легенды о богомном образе жизни писателя, Вержбицкий рисует образ великого труженика, с вдохновением отдающего творчеству, тщательно отделяющего свои произведения, относящегося к русскому языку, как к святыне. «Работа над своими произведениями, — свидетельствует мемуарист, — он всегда стремился к простоте, предметности, пластичности изображения в сочетании с широкой доступностью слова. Куприн отвергал всякое ненужное и насильственное словотворчество, увлечение диалектами, упрощение ради упрощения, вульгаризацию и штукарство».

Автор воспоминаний приводит интересные данные, полученные им со слов Куприна о его первых учителях на литературном поприще, интересные высказывания писателя о Пушкине, а также о своих старших современниках — Л. Н. Толстом, А. П. Чехове. Вот как относился Куприн к Пушкину: «Он

знал наизусть всего «Евгения Онегина», «Полтаву», «Медного всадника» и много лирических стихотворений. «Повести Белкина» и «Капитанскую дочку» перечитывал десятки раз, пытаясь раскрыть загадку силы и обаяния пушкинской прозы. Много раз я наблюдал, как в часы тревог и сомнений Александр Иванович раскрывал томик Пушкина и находил там успокоение, призыв к бодрости». Призыв к бодрости! Как это характерно для Куприна! В последние годы в критике заметно повысился интерес к творчеству замечательного русского писателя А. И. Куприна. В ряду опубликованных работ о Куприне книга Ник. Вержбицкого «Встречи с А. И. Куприным» (Пенза, 1961) занимает особое место. Это не только книга воспоминаний, но и своеобразное исследование, дающее анализ ряда новых фактов, относящихся к жизни и творчеству писателя. В авторе очень удачно сочетались мемуарист, исследователь и очеркист, что и дало ему возможность ярко и проникновенно рассказать читателю о писателе и человеке.

В книге предстает живой образ писателя-жизнелюба, создавшего замечательные произведения, вошедшие в сокровищницу нашей отечественной литературы.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КУПРИНЕ

Во время пребывания в эмиграции в Париже Александр Иванович Куприн вел оживленную переписку со своим другом Иосифом Адольфовичем Левинсоном — преподавателем русского языка в городе Атланта (США).

Наже впервые воспроизводится одно из неизвестных писем А. И. Куприна, относящееся, по-видимому, к 1932 году, его портрет (датированный писателем 1 января 1933 года) и фотокопия обложки читательской книжечки библиотеки А. И. Куприна. Письмо наполнено горечью эмигрантского сумрачного прозябания.

ЛЕНИНГРАД

Г. МИШКЕВИЧ

ДОРОГОЙ мой и милый друг Иосиф Левинсон, с самого начала этого письма моего прошу простить меня за то, что потерял ваше отчество. Но за эти тяжелые сумрачные, неудачливые годы мы только тем и занимались, что перебирались с квартиры на квартиру, с квартала в квартал, с округа в округ. Ну, скажу Вам — и велик же Париж и разнообразен до помрачения ума! Все старались вместо дешевого жилища найти еще более дешевое. Немудрено, что в этих исканиях и пересадках растеряли кучи нужного и ненужного хлама: в том числе и адресный указатель. В жилет Вам плакать не стану, не уважаю и не люблю этого занятия. К тому же добрый бог дал мне маленький дар скромного юмора. Когда меня спрашивают: Как поживаете? Я отвечаю слава богу, плохо.

А если привяжется какой-нибудь окающий плакса, нытик и скучный мизантроп со своими доводами, я спокойно его утешаю: — вспомните, мой унылый друг, великое изречение философа Аристотеля: — всякому своя сопля солоня.

Мы живем теперь вот где: 12, rue Edmond Roter Paris 15. У жены небольшая библиотека, на малые доходы с которой мы живем кое-как. Пишу я мало и с трудом. Выпустил книгу «Юнкера», где проходят моя юность, Москва, первая любовь, Военное училище и т. д. Издатель без моего разрешения назначил цену на книжку несообразно великую: почти в сорок франков, и она идет туго, несмотря на хорошие отзывы. Другая книга: «Жанетта, — принцесса четырех улиц» кое-как идет, но издатель Армянин (потю сине осерба et odiosa), уловив минуточку, когда на грызла тяжкая нужда, купил у меня все права за такую низкую цену, что и на папиросы не хватило. Но я не ропщу. Повеселились во всю жизнь и ба-

ста. Жаль одного — в цирк пойти не на что.

Благодарю за присылку георгинов, мне их было негде культивировать: я их отдал в половинную долю одному знакомому садовнику-французу. Он обещал ими заняться, восторженно хвалил сорт и, вот этой осенью будем ждать результатов. А вам рекомендую верить Рузвельту. Это мужик крепкий и скоро вывезет доллар на переднее крепкое место. Подождите, постараюсь урвать у моих грабителей одну из моих книг и прислать Вам.

Сердечно и душевно Ваш
А. Куприн.

P. S. Простите, пишу без очков; отсюда такие кривули.
А. К.

Дорогой мой и милый друг Иосиф Левинсон, с самого начала этого письма моего прошу простить меня за то, что потерял ваше отчество. Но за эти тяжелые сумрачные, неудачливые годы мы только тем и занимались, что перебирались с квартиры на квартиру, с квартала в квартал, с округа в округ. Ну, скажу Вам — и велик же Париж и разнообразен до помрачения ума! Все старались вместо дешевого жилища найти еще более дешевое. Немудрено, что в этих исканиях и пересадках растеряли кучи нужного и ненужного хлама: в том числе и адресный указатель. В жилет Вам плакать не стану, не уважаю и не люблю этого занятия. К тому же добрый бог дал мне маленький дар скромного юмора. Когда меня спрашивают: Как поживаете? Я отвечаю слава богу, плохо.

дито и тоже громко. — Таких женщин мужья не бросят!

С плачем встав с места, Настасья выбежала вон. **УДЬ ОН НЕЛАДЕН**, придется потолковать с этим Брагой еще раз!

Б Придется пойти на крупный разговор, может быть, даже испортить ему настроение, аппетит. Ничего не поделаешь, разговор этот нужен.

Всюду в поселке, во всех совхозных организациях идет подготовка к завтрашнему дню. В пустынном уголке клуба, уставленном щитами, банками с масляной краской, кистями, художник пишет плакат. «Совхозные журналисты» — рабкорский актив — готовится к выпуску листовок-молний. На заводской манер листовки будут выходить через каждый час и вывешиваться на досках-щитах. На месте скирдования сена, на закладке силоса, на прополке. А еще Арефьев побыл в гараже, на конном дворе и хоздворе, узнал, сколько машин, бричек будет участвовать в работе, приготовлены ли вилы, грабли, тяпки. А в дальнем конце улицы затарахтели моторы — шли машины. И на душе парторга полегчало. Все налаживается, все обещает удачу.

А кто эта женщина в сером холстинковом платье, стоптанных башмаках на босу ногу! Пружинящим шагом прошла в продуктовый магазин, так шагает женщина, если знает, что кому-то нравится. Где же ее видел Арефьев? Ах, вон оно что! Это же та, архитекторша! Какой она кажется сейчас молодой... Парторг вспомнил утренний с ней разговор, улыбнулся, продолжая думать о своем. Надо начинать ремонтировать крышу, пора ставить вопрос о строительстве Дворца культуры — большой же поселок! А к зиме открыть кафе.

Досада какая, молчит совхозное радио — редкий же это бездельник, председатель рабочкома! В поселке сейчас пропасть народу. У механика гостят молодожены, у завмага — художники... А ведь каждый мог бы участвовать в заготовке кормов, взяться завтра за вилы и грабли. Ну, что им стоит! В охотку. Забава...

Поймав себя на этих мыслях, Арефьев рассмеялся. Аклиматизировался! Все, что происходит вокруг, измеряет одной меркой: повисит ли это выработку мяса, молока. Что ж, верно, этим он живет. И вот что: знает он теперь, о чем будет толковать с этим Брагой. Крепкий это орешек, но сегодня-то его разгрызут. Никакой чувствительности на этот раз — basta! Нельзя возмущать людей. Это называется коллектив. Это называется общественность. Рано или поздно она требует ответа.

Потребовала и от Браги. «Как здешний житель, обязан помогать совхозу, если живешь на его земле, — скажет ему, Арефьев. И добавит: — Не хочешь — убирайся из поселка!»

Летний вечер еще не наступил. Дойдя до дальнего конца усадьбы, Арефьев замедлил шаги. Только он завидел дом Браги, как услышал запах. Великолепный аромат жареной речной рыбы — то ли сазана — карпа, то ли судака — щуки. Откуда! Где добыли! Только не в поселковом магазине. Известен его ассортимент — увы! — до рыбы частичковой не дошло. И кругом здесь живут люди, которым сейчас не до рыбалки. Брага — рыбу жарят у него. Арефьеву даже захотелось перейти на другую сторону улицы — до того было противно подниматься на аккуратно подметенное крыльцо, входить в дом. И он теперь вспомнил, что еще не обедал...

Брага встретил его сдержанно, хмурясь. «Здесь хозяин я, живу, как хочу!» Ходил он по кухне в фартуке жены — роба надета внаброс так, что из-под спецовки виднеется майка, по-домашнему в шлепанцах. Поздоровался с парторгом, подошел к плите, на которой в большой сковороде жарились серовато-белые кругляши с характерной темной линией посреди тушки — судаки! — Садитесь, пожалуйста! — приветливо сказала Настасья, пододвинув стул, смахнув фартуком воображаемую пыль.

Что с ней! Такой необычайно певучий голос... С каким светлым лицом, улыбочивыми глазами умыла девочку, поправила воротник у мальчика постарше, шепнув ласково что-то, проводила на улицу. И с какой суетливой старательностью любящей свой дом женщины накрывает на стол.

У каждого какая-нибудь да есть слабинка. У Настасьи, с ее недюжинными способностями организатора, командира совхозных полей, слабость — муж. Сюда, в семью, она вкладывает много нежности, но много здесь и боли. «Бедная женщина», вздохнул Арефьев, глядя на сияющую Настасью. — Жалкая, но по-своему счастливая.

— Горит! — закричала вдруг Настасья с нарочитым отчаянием, смеясь подлетела к плите. — Куда ты смотришь, растапя-повар!..

И в этом смехе было столько радости, что Арефьев вспомнил последний разговор в Настасье, тогдашние ее слезы. «Может, снимете с бригадирства! Стыдобишка! Не могу я так...» И несмотря на то, что они — парторг и председатель рабочкома — говорили с ней бе-

режно, ласково, ушла разбитая, походкой измученного человека.

Что же с ней случилось сегодня! Расцвела. Впервые Арефьев заметил, какая она безобзубая — улыбка, застывшая на ее губах, слегка раскрыла их. Что ж, пусть будут благословенны ее семья, ее муж, если они в состоянии ошастливить ее. А она того заслужила.

И вот еще что — не могла же она полюбить недостойного. Как-то Брагой восхищался директор: — В сущности, мужик он неплохой. Уважаю за то, что руки у него, руки! Эх, если бы пошел ко мне в совхоз! Чувешь, какой он тон задаст в работе!

И теперь Арефьев начал искать в нем хорошее, корить себя за то, что не сумел дойти до него.

Партийный работник должен быть всегда и со всеми ровным. Без исключения. А он!.. Однажды Арефьев не поздоровался с Брагой. Прошел очень близко и сделал вид, что не заметил. Не мог кивнуть да и все. А куда это годится! Какой он парторг, если не хватает выдержки, не умеет владеть собой! А ведь, если на то пошло, он должен особенно внимательно отнестись именно к этой семье. Ради Настасьи, лучшей работницы совхоза. На днях комиссия определила на полях ее бригады такую урожайность сахарной свеклы — на весь район, а может, и область! Маяки — так их теперь называют. В поле — вот где она победительница, вот где она повелительница. А ему, Арефьеву, надо уходить отсюда. Обойдется без него, без этого Браги. А тем, кто не поймет этого, можно разъяснить.

Мягкий ты человек! Что бы сказали про тебя в заводском парткоме, райкоме! Не совсем, кажется, подходящий для партийной работы», — думал с горькой улыбкой Арефьев. А вслух и уже совсем неожиданно для самого себя бодро, беспечно, даже лихо скомандовал:

— Давайте, приглашайте к столу! Шел по улице, ошалел от запаха. Прямо-таки московский ресторан «Араги». Напрашиваюсь — угощайте!

Супруги переглянулись.

— Степа, грибочки! — крикнула по-девичьи звонко Настасья и приказала: — Полежай в погреб!

— А мы вас ждали, — сказал Брага, улыбаясь, снимая с себя фартук жены. — Не мешает подкрепиться всем перед страдой завтрашней... перед воскресником! — Он улыбнулся.

Арефьев прошел в передний угол кухни к большому, уже накрытому столу и сел на красное место, как и полагается гданному гостю.